

18+ Михаил Саталкин

“ПИДЖАК” В КИТЕЛЕ

Михаил Саталкин

**«Пиджак» в кителе. «Все
выше и выше, и выше...»**

«Издательские решения»

Саталкин М.

«Пиджак» в кителе. «Все выше и выше, и выше...» /
М. Саталкин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-606096-8

Людей, служивших офицерами в Советской армии после института, называли «Пиджаками»... Автор книги сам прошел это почетное испытание... «Кто в армии был, тот в цирке не смеется!» — военно-народная мудрость. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-00-606096-8

© Саталкин М.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	12
Глава 4	15
Глава 5	23
Конец ознакомительного фрагмента.	24

«Пиджак» в кителе «Все выше и выше, и выше...»

Михаил Саталкин

Иллюстратор Сергей Гутник

© Михаил Саталкин, 2023

© Сергей Гутник, иллюстрации, 2023

ISBN 978-5-0060-6096-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

1987 год. Осень

Короткие коричневые резиновые сапоги, совершенно не подходящие к форме офицера Военно-воздушных сил, смачно хлюпали по жидкой грязи. Заправленные в них офицерские брюки с намёком на наличие в прошлом стрелок негодующе пузырились, возмущаясь возникшей схожестью с казацкими шароварами, и сзади были до колен заляпаны той же жижей с дороги. Наличие фуражки с голубым околышем на голове и птичек в петлицах придавало особый комизм всему происходящему. Большой смех у меня вызывали только офицеры ВМФ, которые на парады в военном городке в степях Казахстана, где прошли мои школьные годы, надевали чёрные кители, белые фуражки и непременно кортик... Хотя уместнее были бы в тех широтах халат, папах и кинжал. Перекрёсток, находившийся в двухстах метрах от станции Давлеканово, блестел на сентябрьском солнце, в большой коричневой луже отражалось синеголубое небо. Мане на вас нет...

– Простите, где тут воинская часть? – спросил я у проходившей мимо женщины в чёрных коротких резиновых сапогах.

– А вот, – указала она рукой на зелёный забор и виднеющийся за ним высокий барак.

Вдоль забора неожиданно обнаружился бетонный тротуар. Это ободряло. Я подошёл к проходной, прошёл через вертушку и неожиданно для себя оказался в достаточно уютном месте. Посреди огороженной забором территории находился плац, окружённый восхитительными по воплощению плакатами с приёмами строевой подготовки, которые были написаны, несомненно, пером приплачного живописца, назначенного командиром из числа новобранцев. Думаю, что на выставках современного искусства в Европе они заняли бы самое почётное место. Но, надо заметить, они очень органично вписывались в архитектурный ансамбль, который состоял из уже упомянутого выше барака, в действительности оказавшегося штабом части, здания почти доромановской архитектуры, напоминающего подворье Ипатьевского монастыря, симпатичного дома-усадьбы прошлого века, оказавшегося клубом, на котором гремел матюгальник, хрипло изрыгающий бравурную музыку, дощатого аккуратного туалета, обитого горбылём, и караульного помещения, напоминающего украинскую мазанку без крыши. Растущие по всему периметру вековые липы несколько выбивались из этой стилистики, но, будучи побелёнными в нижней части ствола в один цвет с бордюрами, опоясывающими плац, как-то вынужденно вливались в общую тенденцию, хотя и несколько нелепо. Примерно так выглядели наши телефонистки на общем построении в зелёной форме и белых туфлях. Поскольку наступило время обеда, никого не было видно. Пустая такая воинская часть. Инженерно-строительный батальон №22666. Какое это отношение имело к авиации, предположить трудно. В советском концлагере – соответственно, и в армии – перераспределение пайков производилось всеми возможными способами: от порцайки масла хлеботором в солдатской столовой до создания строительных частей в авиации – цемент, лес, плиты, фонды. До сих пор меня поражает эта упёртость в желании повторить и воспроизвести то чудовищное дерьмо, в котором мы жили. Если надо – повторим! Теперь даже молодые идиоты пишут на своих джипах этот лозунг и рисуют танк! ТАНК! И ведь повторяют... танк на скрепах.

Я недавно умудрился заехать в Давлеканово в эту воинскую часть. Всё как прежде, только вместо солдат – студенты. Теперь там техникум. Колледж, млять. В Давлеканово! А чего не Стэнфорд? И на постаменте вертолёт стоит. С выбитыми стёклами, на месте туалета. На постаменте надпись: «В небе куем мы победу свою!» Куем! Куем, куём! Что делаем? Куём. Чем делаем? Куем, сказали же! Вот, сковали...

Ко мне подошёл офицер в португее и сапогах, с красной повязкой на рукаве. Глаза его были неестественным образом выпучены. Позже я узнал, что это нормальное его состояние, ну, типа, взгляд такой.

– Служить прибыл?

– Ну, да, – говорю.

– На какую должность?

– Начфин.

– А-а-а... Ну, садись в курилке, жди, сейчас начальник штаба с обеда придёт.

После этих слов старший лейтенант подошёл к зданию клуба, вытащил из-за пазухи пистолет Марголина и дважды выстрелил в матюгальник. Воцарилась тишина, только каркали вороны, взлетевшие от неожиданности с деревьев. Это был человек, как выяснилось, почти с дворянской фамилией. Александр Троицкий.

– Ни х... себе занесло.

Я сидел в курилке с независимым видом, с обеда подтягивались офицеры и прапорщики, курили, смеялись. Особняком стоял высокий старший лейтенант. И тоже курил. Внезапно все несколько подобралось, я бы сказал. Ну, я тоже встал. Из-за угла, от КПП вышел коренастый майор с рыжими усами. Его выражению лица, конечно, больше соответствовали бы фельдфебельские погоны. Это был начальник штаба майор Смирнов. За ним шёл человек такого же роста, но совершенно другой харизмы. Он был параллелепипед. Причём ближе к кубу. Его было проще перепрыгнуть, чем обойти. Одет он был в чёрное. Это называлось «техничка». Голова его, тоже кубической формы, отливала лиловыми цветами. Легендарная личность. Командир хозяйственного взвода старший прапорщик Пётр Сомов.

Там было много типажей, с которыми я позже познакомился. Например, прапорщик Шубко, начальник продовольственного склада. Мягкий, обаятельный человек, напоминающий пекаря в немецкой кондитерской. Шинель на его животе лоснилась тусклым блеском от непрерывного таскания коробок с маслом, маргарином и прочими прелестями. В его прозрачных голубых светящихся глазах под рыжей шевелюрой отражалась непосредственность всех поколений заведующих продовольственными складами прапорщиков, большей частью почему-то с украинскими фамилиями. А настоящий шок для меня был, когда я узнал, что он свободно говорил по-немецки и английски и чуть не защитил кандидатскую диссертацию на тему «Истоки зарождения немецкой литературы 15 века», что-то в этом роде. Но... выпивал. Выпивали все, но он выпивал красиво. Эстетично, я бы сказал. На закуску он делал канапе! Млять... На ящике из-под макарон, покрытом «Красной звездой» (газета Минобороны), под портвейн «777», он, сука, делал КАНАПЕ! И читал нам «Фауста»! На немецком языке! Из потрёпанного томика!

Через год у меня случилось дежавю! Тогда горком комсомола собрал нашу команду КВН города Уфы, так бесславно провалившуюся в борьбе против МГУ, посадил нас в автобус, назвал всё это «Машиной смеха» и повёз по городам Башкирии давать выездные концерты. И вот перед началом очередного концерта я оказался отправленным за закусью с человеком абсолютно колоритной внешности, называвшимся Александром Гулько. Удивлять он меня начал сразу. Во-первых, у него был кошелёк. Во-вторых, когда ему называли цену за что-то, его мясистый нос и оттопыренные розовые уши начинали необычным образом двигаться, демонстрируя ну абсолютно полное неудовлетворение услышанным! В-третьих, на сиденье автобуса и подложенной газете он начал делать КАНАПЕ! И цитировал Бродского. Я чуть не охренел! Подумал, наверное, Шубко тоже еврей. Или Гулько – завскладом.

Два брата – прапорщики Лайковы, Александр и Виктор. Этнические немцы, полностью соответствуя своей фамилии, смотрелись в этой части как две лайковые перчатки, торчащие неммым укором из-под шинели Шубко.

Старшина Харисов – служака и татарин до мозга костей. Бойцы его боялись и уважали. Он всегда ходил в хромовых сапогах, хотя это было обязательно только один раз в неделю.

И ещё немало типажей. Постараюсь вспомнить.

Удивительное дело: я пробыл там чуть больше года, а воспоминаний и поучительных эпизодов – на всю жизнь. А сейчас – год пролетел, вспомнить нечего. Или не хочется. Видимо, армия – как первые эротические фантазии, которые незабываемы и неповторимы...

Так вот, появление майора вызвало некоторую не обычную для меня реакцию от действующих лиц. Первым в его сторону затоптал строевым шагом с приложенной к фуражке горстью рукой старший лейтенант Троицкий.

– Смирно!!! – заорал он.

Все побросали сигареты и сыграли в «Замри».

– Товарищ майор, за время вашего отсутствия на территории части ничего чрезвычайного не произошло. Докладывает дежурный по части старший лейтенант Троицкий.

– Вольно, – пробурчал майор.

Он повернул голову с рыжими жёсткими усами в мою сторону, потом – дальше, в сторону высокого старшего лейтенанта. Тот поймал его взгляд и затопал к нему, ещё яростнее колотя ботинками, почему-то очень чистыми, по асфальтовой дорожке. Рука, приложенная к фуражке, напоминала копьё жидкого терминатора (это я потом понял).

– Товарищ майор, – заорал он, – старший лейтенант Насыров на должность начальника вещевого и продовольственной службы прибыл!

– А-а-а... Афганец? – спросил Смирнов.

– Так точно, товарищ майор, – ответ прозвучал уже человеческим голосом.

– Хорошо, – сказал Смирнов и повернулся ко мне.

Мои заправленные в резиновые сапоги заляпанные форменные брюки на доброжелательный лад его явно не настраивали. (Кстати, сапоги ещё будут героями одного эпизода. Только не мои, а прапорщика Сомова.) Правда, в данную секунду маршировать в них в сторону майора мне совершенно не хотелось. Что делать, я не понимал. Уподобляться двум предыдущим участникам мизансцены не хотелось. Представляю, как бы я потешил присутствующих, превратившись в гвардейца кремлёвского полка. Это было бы гениально, конечно, если бы я, поднимая прямую ногу до уровня пояса, с оттяжкой и зависанием попёр бы на рыжего фельдфебеля. Думаю, что он бы убежал. Поэтому я стоял и смотрел на него. Майор начал багроветь.

– ТЫ кто такой? – говно, спрессованное долгими годами унижения от предыдущего начальства в потаённых глубинах сознания у подобных персонажей вскипает моментально. По отдельным законам термодинамики. – А-А-А?!?!?! – попытался заорать он. Но голос у него в принципе был глухой, и даже при максимальном усилии очень громко не получалось.

– А-А-А-А-А-А-А!!!!!! – заорал я ему в тон, только в три раза громче.

Маленькие глаза начальника штаба приняли форму глаз старшего лейтенанта Троицкого. Ему очень хотелось меня ударить. Окружающие продолжали играть в «Морская фигура, замри»

Воспользовавшись неожиданной паузой, совершенно спокойным голосом я спросил:

– А чего вы мне тыкаете? Это не по уставу...

Майор завис. Он многое видел, почти двадцать лет киздил прапоров. Угробил эшелон строительной техники. Продал тысячу аэродромных плит. Утопил скрепер в болоте. Это же было что-то новое. Шестерёнки не сцеплялись.

Стоящие позади него офицеры и прапорщики заинтересованно наблюдали и почти не двигались, ожидая развязки.

– Это начфин новый, товарищ майор, – произнёс разрядивший тишину Троицкий. Выпученные глаза смотрели куда-то в пространство. – Из Штаба округа звонили. «Пиджак». После института.

– А-а-а-а... – снисходительно, почти брезгливо проворчал майор. – Всем разойтись, вы оба в мой кабинет, – кивнул мне с высоким старлеем майор.

Так началась моя служба в Давлеканово. В воинской части 22666. В инженерно-строительном батальоне. Это было уже второе моё место службы. Первое было в Актюбинской области. В городке под названием Эмба-5. Это отдельная история.

Глава 2

Завод не отпускал. Пришла повестка из военкомата, я уволился, проставился, получил выходную зарплату, пропил её с друзьями, пришёл в военкомат за предписанием, а там говорят:

– Пока вас призывать некуда, погуляйте ещё, позовём. Когда надо будет.

– Может, совсем не надо?

– Приказ Верховного главнокомандующего! Будешь служить, иди-иди, позовём.

Когда я пришёл обратно в отдел кадров родного Агрегатного завода, там все вытаращили на меня свои очкастые глаза.

– Ты чего явился?

– Вот, – говорю, – отсрочку дали, – и протягиваю им какую-то шняжную бумаженцию с печатью.

– Что, обратно в цех? Мастером?

– Ну уж нет!!! Мне временно, куда-нибудь. В отдел.

– Ладно. Завтра приходи.

На следующий день мне сказали:

– Ты же экономист по образованию? Пойдёшь в Финансовый отдел. Старшим экономистом, там вакансия есть. (Потом меня друзья по КВН дразнили: «Ты, Мишка, старше Маркса. Маркс-то был просто экономист, а ты – старший!») Иди в заводоуправление. Заместителя начальника зовут Николай Фёдорович.

Я послушно потопал в двухэтажное здание напротив проходной.

Когда я открыл дверь с бодрящей надписью «Финансовый отдел», то медленно выдохнул. На меня посмотрели сразу шесть человек. Судя по столу, стоящему на оси, разделяющей кабинет пополам, за ним спиной к стене и сидел тот самый Николай Фёдорович. Внешне он был похож на артиста, который играл Бубликова в «Служебном романе», да и вся обстановка сильно напоминала антураж для съёмок, созданный в павильоне «Мосфильма». Николай Фёдорович внимательно смотрел на меня поверх очков, лысина была аккуратно прикрыта совсем редкими волосами.

– Что хотели? – голос был скрипучий, и каждое слово он выговаривал очень тщательно. Из него как будто не буквы выходили, а цифры. И сразу в квартальный отчёт.

– Саталкин моя фамилия, – говорю. – К вам работать пришёл.

– А-а... – проскрипел он. – Вон твой стол, у окна, там раньше твой предшественник сидел, – и уткнулся в бумажки.

Я сел. Кроме меня и Николая Фёдоровича в отделе были ещё пять женщин. Описать каждую по отдельности я не могу. Они были все одинаковые. Маленькие. Толстые. Очень сосредоточенные. Они считали на счётах, на калькуляторах, на каких-то адских машинах с залипающими кнопками, всё было завалено бумагами и заставлено папками. Для меня это был ад. Я на экономику-то случайно попал, а тут – в самое жерло...

– Садись, – выпала из моего шефа цифра шесть. – Твоё задание для начала будет следующее. 32846573957, – выкатилось из него, причём всё через паузу. – Берёшь банковскую выписку, коробку с платёжками и крыжишь.

– Чего я делаю?

Он посмотрел на меня – конечно, не как майор Смирнов в будущем, но тоже несколько удивлённо.

– Берёшь платёжку, находишь в банковской выписке совпадающий номер и сумму, ставишь галочку.

Он встал, обошёл стол и вытянул несколько метров бумаги, сплошь усыпанной цифрами. Надо сказать, что мужик он был кряжистый, ступал точно и отчётливо, как говорил. Несколько

метров выписки смотрелись в его руках как мишура на ёлке. Белая лента легла на мой стол. Я сразу вспомнил скульптуру «Лаокоон и его сыновья». И был-таки прав. В ближайшие три дня я перепутал всё, что только можно было. Авизовки, платёжки, платежи и оплаты валились на меня снежной лавиной. Я ничего не успевал, а главное, что для меня это реально была каторга. Женщины на меня не обращали особого внимания, говорить мне с ними было не о чем, начальник, видимо, присматривался.

Главными событиями были обед и конец рабочего дня. Тут всё преобразалось. В обед раскочегаривалась строго запрещённая плитка, на ней варились пельмени, грелись принесённые из дома борщи, жарилась картошка. Я, радостно пользуясь случаем, валил в заводскую столовую, а Николай Фёдорович вытаскивал «тормозок» и ел – обстоятельно, отдельно от всех. Видимо, его темп пережевывания никто не мог держать.

Кстати, о столовой. Через много лет, когда я открыл собственное производство в Москве, на заводе ВИЛС, и пришёл в столовую, то чуть не зарыдал. Запах был тот же самый. По точно такому же конвейеру ехали грязные подносы, на входе висел сваренный из проволоки силуэт лица девушки, у которой с кончиков волос почему-то свисали капли. У меня самого чуть из носа не брызнуло! Это была полная копия нашей столовой! Я понял, что достиг потолка своей карьеры, всё-таки стал начальником цеха... Потом уже я узнал, что ВИЛС был того же министерства, что и Агрегатный. Проектировали его в одном и том же институте.

За всё время работы в отделе случилось всего одно событие, оставшееся в моей памяти навсегда. Николай Фёдорович поручил мне какие-то бумаги подготовить и ему отдать. Ну, я там чего-то написал, сложил их вместе и скрепку на них надеваю. Тут в меня прилетел целый логарифм, как минимум.

– Не так скрепку надеваешь!

Эту интонацию – точь-в-точь! – я услышал, когда Борис Ельцин сказал из телевизора: «Не так сели!!! Степашин – первый зам!» Один в один!

Я, конечно, был в недоумении... Как ещё её, эту скрепку, можно надеть?!

– Дай сюда... – Николай Фёдорович нетерпеливо, что было ему не свойственно, взял в руки бумаги и скрепку и сказал: – Вот смотри, ты вот так надеваешь... Видишь, скрепочка подрагнулась и листочки ненадёжно скрепились. А надо вот как! Длинной стороной листочки подпираешь, а короткую туда, через неё просовываешь и подпружиниваешь! Хоп! Видишь, как держит? Вот так.

С тех пор каждый раз, когда я беру в руки скрепку, я вспоминаю Николая Фёдоровича, – мужика настоящего, крепкого, ответственного и доброго. Ещё я помню, что ножки его стула находились в небольших углублениях в полу. О чём он с гордостью говорил, что двадцать лет сидит на этом месте и уже пол проточил.

Когда все поняли, что бумажный зверь меня скоро удушит и у меня никаких сыновей не будет, добрые женщины сократили обед и в течение получаса разобрали все бумаги, а меня доблестно изгнали на территорию проверять сверхнормативные остатки, где среди куч никому не нужных проводов, кабелей, оплётков, ржавых станков и непонятных агрегатов я и дождался повторной повестки в армию.

Глава 3

В военкомате всё произошло быстро. Мне выдали предписание, проездные, ещё какую-то муру. Я пришёл домой, говорю:

– Мама, я уезжаю в армию.

К тому моменту мой студенческий брак, с таким усердием выхоженный, высиженный моей сокурсницей Таней у нас дома в моё отсутствие в ожидании меня и отполированный ложной беременностью, совершенно разладился. Моя тогдашняя жена крутила романы в своём проектном институте, я был в очередной раз безоговорочно влюблён в роскошную, продвинутую и начитанную сотрудницу Дома печати Лену. К моменту призыва у нас с Таней уже была дочь, умер папа... Вот я сейчас пишу – и понимаю, что даже одного из этих событий хватило бы для стресса на полжизни. Бедная моя мама, мы жили у неё... Никогда не забуду, как она собрала мне вещи и спросила:

– У тебя деньги есть?

– Пятьдесят рублей, – скромно ответил я.

Мама молча пошла в свою спальню, вышла и протянула мне коричневую купюру. Сто рублей. Мне стало ужасно стыдно. До сих пор помню то чувство: так стянуло душу, когда я увидел её абсолютную незащищённость. Похоронила мужа, за которым всегда жила, как «за МУЖЕМ». Их удивительная любовь стоит особняком в моей памяти. Очень редко я видел такое. Наверное, больше никогда. Сын уезжает неизвестно куда. Она остаётся с его женой, маленькой девочкой и приёмной дочерью шестнадцати лет. Мои родители забрали мою двоюродную сестру, когда ей было четырнадцать лет, из Костромы после трагедии с её родителями. И вот всё это на маме. Я, наверное, прямо сейчас бы заплакал, если бы мог... Тогда я поборол в себе жалость, будучи уверенным, что всё смогу в этой жизни, не потеряюсь. Стыдно...

Служить меня отправили недалече. В Приволжский ордена чего-то там военный округ. В город Куйбышев. Город оказался пыльным, замусоренным и совершенно без «Жигулёвского» пива. Настроение было не очень. Переться куда-то... В общем, не считая стройотряда, я надолго из дома ещё и не уезжал.

Штабом округа оказался комплекс зданий, посередине которых был... плац. Ну, как без него. Я не понимаю, кстати, на кой ляд до сих пор в армии есть строевая подготовка. Коробочкой на пушки ходить вроде бы не надо. Думаю, всё к одному сводится – шоб не пищали! Вот и дрючат молодых солдат и курсантов по принципу «нас дрючили – получай и ты».

Направили меня в отдел кадров. Там сидел абсолютно худой человек. Вернее, не худой. А плоский в узь. Мне захотелось заглянуть ему за спину: может, он в другой проекции шире. Начерталку-то я сдал!

– Ну, слушаю тебя.

– Вот, – я протянул ему предписание и военный билет.

– И куда я тебя должен девать? У меня вся штатка закрыта.

Были же времена!

– Домой, – говорю, – отпустите.

Он даже не ответил. Никак не среагировал.

– Садись, посиди.

Он взял в руки военный билет и внимательно начал его читать.

– Экономист – это что значит?

– Бухгалтер, – говорю я.

– А самолёт ты как чинить будешь?

– Не знаю, – говорю, – я болта от гайки не отличаю.

– Да уж, – человек-бамбук крутанулся на дерматиновом стуле. Поднял трубку. – Дай мне финчасть, – сказал он, видимо, телефонистке. – Товарищ полковник, тут ко мне бухгалтера занесло. Понял. Сейчас отправлю.

Крутнувшись ко мне (я даже испугался за дерматин – вдруг просверлит!), он сказал, что я должен брать свою сумку и идти в здание напротив. К начальнику финансовой службы округа. Жизнь пошла живее. Наметилась какая-то альтернатива. В финчасти оказалось тихо и уютно. Совершенно не так, как в инженерном отделе. За открытой дверью сидел седой, уверенный и упитанный мужчина. В звании полковника. Фамилию, к сожалению, не помню. Чем-то напоминающий, когда сейчас вспоминаю, бывшего президента Украины Порошенко. Увидев меня, он махнул рукой:

– Заходи. Рассказывай.

Становилось всё интереснее. Если на заводе от слова «финотдел» меня крутили судороги, то тут я явственно понимал перспективу. Самолёт заправлять – или бумажки переворачивать.

– Я по образованию экономист. После института работал в финансовом отделе завода. Старшим экономистом.

О своих мытарствах в роли мастера я скромно умолчал.

Полковник удовлетворённо кивал головой.

– Тут такое дело. Финансистов не хватает. Значит, так. Едешь в Уфу в ШМАС¹. Будешь числиться замкомандира роты. Работать в финчасти. Годится?

Я не верил своим ушам! От счастья и перспектив ходить на службу на улицу Карла Маркса напротив касс Аэрофлота я чуть не ошалел.

– Сейчас иди в кассу, получи талон на гостиницу, – он протянул мне записку.

Я смотрел на него как на бога! Вылетел пулей, сел не на тот троллейбус, часть пути пробежал бегом!!! «Ха-ха-ха!» хотелось мне кричать прохожим. В Самаре тогда были остатки набережной. Остатки былого величия. Там, на торговой улице с ободранными домами, в одной из подворотен и притаилась гостиница КЭЧ².

Мне сказали номер моей комнаты. Я зашёл, включил свет. В комнате стояло четыре кровати, на одной из них, полностью, с головой, завернувшись в одеяло, лежала мумия. Иначе про этого человека не скажешь. При моём появлении он даже не пошевелился. Не шевелился он и ночью. В гостинице было холоднее, чем за окном. Был апрель. Кое-где ещё лежали сугробы чёрного, крепко приправленного бычками снега.

«Может, это морг?» – подумалось мне.

Спать я лёг в куртке и джинсах, укрывшись одеялом.

Проснулся рано. Мумия не шевелилась. Я почистил зубы ледяной водой из умывальника, висевшего в коридоре, взял сумку и радостно шагнул в Новый мир. Я очень хорошо представлял этот ШМАС. И солдат, которых строим водили в баню по улице Карла Маркса в сторону вокзала. Маленькие такие, пилотка полголовы занимает, рук из рукавов не видно. Жалкие такие, худые пацаны. От нашего завода до Карла Маркса был один квартал или два. Мы им сигареты давали, когда нам навстречу этот «отряд диверсантов» попадался. Они походили больше на пленных вьетнамцев. С вениками в руках, мешком полотенец и вещмешком мыла. Мы их гордо называли «Советская военная угроза»! Вот там мне и предстояло служить замкомандира роты. Вот оно! Бинго!!!

Приехал я в штаб очень рано, ещё никого не было. Сумку свою нёс, чуть ли не на вытянутой руке – чтобы быстрее ленточку пересечь, наверное!

---

¹ ШМАС – Школа младших армейских специалистов.

² КЭЧ – Квартирно-эксплуатационная часть.

Уселся в коридоре, начал ждать. Приходили секретари, бухгалтеры, какие-то офицеры. Моего полковника не было. В десять часов я осторожно, чтобы не спугнуть удачу, спросил у секретаря:

– А когда товарищ полковник будет?

– На совещании у командующего. Неизвестно когда.

Я ждал. А что оставалось делать? Очень хотелось есть. Примерно к обеду зашёл полкан. Я радостно вытянулся ему навстречу. Но в его жестах уже не было благодушия. Холодное предположение поползло в душу.

– Зайди, лейтенант. Короче, так, – снимая шинель, произнёс полковник. – На совещании командующий влепил два служебных несоответствия, четыре выговора и десяток лишений тринадцатой зарплаты. За нарушение штатного расписания. Так что с Уфой ничего не выйдет. Иди обратно в инженерный отдел. Я позвоню им.

Софиты погасли, Арлекин превратился в пыльный валик, ноги его бессильно и бесформенно лежали на арене... Цирк переезжает...

Я пошёл обратно через долбаный плац. Сумку волок по земле.

– Здравствуйте, я обратно пришёл.

– Вижу, – сказал очень тонкий человек, – садись.

Я сел на тот же стул, с которого чуть не стартанул в счастливую жизнь. Кадровик сел за стол, взял телефонную трубку и начал говорить телефонистке:

– Набери мне «Берёзу»... Алло, «Берёза», тут техник самолёта. Нет вакансий?.. Алло, «Гранит», техник самолёта... Нет вакансий?..

Так он обзванивал, наверное, час каких-то «рябин», «калин», «берега Волги» и всяких птиц. Все отказывались меня брать. Совершенно утомлённый, он повернулся ко мне, уставился и абсолютно без эмоций спокойно спросил:

– Ну, что мне с тобой делать?..

Я пожал плечами. И вдруг священный свет пробежал по его узкому лбу! Он схватил телефон и как заорёт телефонистке:

– ЛУНУ! ЛУНУ МНЕ СРОЧНО ДАЙ!

Тут я понял, что мне кабздец. На Луну.

Худой быстро и жёстко поговорил с кем-то с Луны. Сказал, что я еду, никаких разговоров. Решайте. И, устало выдохнув, сказал:

– Иди, получай проездные.

– А где это, Луна?

– Город Эмба-5, Актюбинская область. Казахстан. Вперёд!!!

Млять, опять в Казахстан... Э-эх...

Глава 4

В Эмбу нужно было ехать на поезде до Оренбурга, потом опять на поезде до воинской части, потом от вокзала как-то попасть в военный городок. Я решил ни о чём подобном не думать. Глядя в окно, тоскуя об утраченной возможности служить в Уфе и покинутой любимой женщине, я как-то незаметно, от станции к станции, пересёк границу Казахской ССР, о чём сообщили только надписи под портретом Ленина на нерусском языке и неожиданно появившиеся вдоль дороги верблюды. Я задумчиво наблюдал, как на очередной станции, где остановился наш поезд, вдоль перрона идёт человек в лётной военной форме в звании полковника и за ним с сумкой – молодой человек средних лет в очках. «Чего это тут полковники ходят», – подумал я. Млять! Надпись на станции на абсолютно русском языке гласила: ЭМБА! Я судорожно начал хватать вещи и ломиться по плацкартному вагону. Спрыгнул уже тогда, когда паровоз угрожающе шипел, готовясь к отправлению. Я поскакал через рельсы вслед за военным и гражданским.

– Здравствуйте! – закричал я издалека, когда увидел, что они приближаются к стоящему на привокзальной площади армейскому уазику. – Здравствуйте, – отдуваясь сказал я, – вы случайно не в воинскую часть?

Полковник смотрел на меня спокойно, но не строго. Очкарик же еле заметно улыбался.

– С какой целью интересуешься? – спросил внимательный полковник.

– Служить отправили, техником самолёта...

– А, ну садись, отвезу. Я начальник штаба авиационного полка.

Полковник уселся на переднее сидение, мой новый попутчик, сильно напоминавший студента-физика из шестидесятых, только пересидевшего в институте, поставил сумки, одна из которых оказалась полковничьей (умеют же некоторые правильно службу начинать), и мы сели на заднее сидение.

– Тебя как зовут? – спросил я неожиданного попутчика.

– Н-николай, – он немного заикался.

– Меня Михаил. Служить?

– Д-да, двухгодичник.

– О! Я тоже! Ты откуда?

– Из Уфы.

«Охренительно!» – подумал я.

– Я тоже из Уфы.

Очкарик мне понравился. Умные глаза смотрели на меня через очки совершенно дружелюбно и, что совершенно подкупало, с его губ никогда не сходила слегка покровительственная улыбка старшего товарища. Как оказалось потом, Коля Ткаченко работал на УМПО испытателем ракетных двигателей. Ему было уже 28 лет и его загребли чуть не в последнюю минуту перед истечением возрастного ценза. Мы ему потом говорили: «Коля! Смотри, тебе 28 лет, а ты уже лейтенант!» Он был с Украины, из города Луцка. Окончил так же УАИ и мирно трудился на заводе. И вот, хренак – и в Эмбе! Полковник довёз нас через все КПП, где мы предъявляли свои предписания, высадил возле офицерской гостиницы, сказал напоследок:

– Сейчас отдыхать, завтра в девять ноль-ноль в штабе.

– А как мы доберёмся?

– Разберётесь. Вы в армии уже, – и уехал.

В гостинице нас поселили в трёхместный номер, где уже был один жилец. Капитан ПВО. Как его звали, я, конечно, не помню, но крайне признателен, что он быстро нас ввёл в курс дела. Он был кадровый офицер, похоже, настоящий. Любил свою работу. Дело в том, что в Эмбе-5, так назывался военный городок, в котором нам предстояло жить, находился полигон для уче-

ний войск ПВО, где они тренировались сбивать «лажки», ложные цели. Нынче это называется беспилотниками. По иронии военного устройства, там располагались непосредственно ракетчики, воинские части которых относились к Среднеазиатскому военному округу, и «лётчики», относившиеся к Приволжскому военному округу. Соответственно, у первых лычки были красные, а у вторых голубые. Но это было не единственное различие. При переходе на летнюю форму одежды, к примеру, «ракетчики» носили пилотки и рубашки с короткими рукавами, а «лётчики» – фуражки, длинные рукава и галстук, невзирая на жару. Это было внешним различием, а сущностным было то, что огромная концентрация молодых мужиков в одном месте при дефиците женщин обязательно приводит к необъяснимым с точки зрения здравого смысла конфликтам. Но всё это я узнал позже, а пока внимательно слушал байки капитана, как они стреляют на учениях, как их проверяют и что может происходить в процессе этого.

Запомнилась одна история:

– Отстрелялись мы, – рассказал капитан, – зачехлили технику и заслуженно выпили. Утром нас по тревоге поднимают и на плацу строят. Стоит наш командир, а рядом с ним дед-казах, лошадь недалеко пасётся. «Значит так, – говорит командир голосом, не предвещающим ничего хорошего. – Товарищ приехал к нам из Мугоджар. Это сорок километров отсюда. Приехал он по той причине, что вчера вечером ему во двор упала ракета. К вашему счастью, не разорвалась! Он сейчас поедет с вами и покажет. Выделить по одному человеку из подразделений, чтобы определить, какой мудака стрелял не по целям, а по Мугоджарам. Разойтись!»

Скажу честно, раньше мне эта история казалась смешной, а сейчас не очень. Даже, вернее, очень печальной. Сегодня этих мудаков сотни, стреляют они не по Мугоджарам, а по Украине, откуда приехал в Уфу, чтобы эти самые ракеты испытывать, мой новый друг Николай, сидевший тогда рядом, и это разрывает мне сердце. На следующий день мы ходили в штаб, оформляли документы, и к вечеру нам выдали часть формы, что символично, фуражки, портупеи и плащ-накидки. Нас почему-то это очень веселило. Путь в нашу гостиницу проходил мимо офицерского общежития. На скамейке перед входом сидел мой сокурсник с другого факультета, Константин Борисоглебский. Спортсмен-штангист, красавец, остролов и весельчак. Константин был абсолютно пьян, глазами, видимо, он шевелить не мог, поэтому опознал нас боковым зрением. Его лицо, направленное куда-то на ствол побелённого тонюсенького карагача, не исказила ни одна эмоция.

– А, «пиджаки», привет! Служить приехали?

Интонация была такая, будто мы с ним спустились с военной кафедры институтского корпуса на один этаж в столовую и оказались за соседними столиками. Рядом с ним сидела совершенно рыжая девица лет под тридцать с пышной гривой, за что её, несомненно, и прозвали Пугачёвой. Надо понимать, что при общем дефиците женского пола иметь симпатии от одной из них, да ещё если она работает официанткой в офицерской столовой, – это был высший пилотаж. Но нам, только окунавшимся в войсковые будни, сразу этого было не понять.

– Выпить хотите? – спросил Константин.

– Ну, хотим, – ответили мы.

– Пошли...

Мы зашли в фойе общежития. Прямо напротив входа стояли, облокотившись друг на друга, два совершенно нетрезвых джентльмена. На руках у них были надеты боксёрские перчатки.

– В клинч вошли, – резюмировал Константин.

Лица у джентльменов явно носили следы ударов, но держались они достойно. Друг за друга. Один из них, как потом выяснилось, был тоже выпускником нашего института. Олег Абдраязков.

– Куда пошли? – откуда ни возьмись нарисовалась маленькая вахтёрша. – Без прописки нельзя!

– Тётъ Зоя! Это же наши уфимские «пиджаки»!

– Нельзя, сказала же!

– Ладно, с ней бесполезно... – он обречённо махнул огромной рукой со странно маленькой кистью. – Вы где поселились, в гостинице?

– Да, – становилось интересно.

– Идите туда, я сейчас приду.

Константин повернулся и развалистой походкой тяжелоатлета зашагал по лестнице внутрь. В нашем номере он оказался, наверное, через полчаса. В одной руке у него была трёхлитровая банка с прозрачной жидкостью, заполненная наполовину, в другой газетный кулёк.

– Спиритэ, – сказал Костя, аккуратно опуская банку на стол.

В газетном кульке оказалась одна котлета, которая лежала поверх семечек.

– Я чего задержался-то: пацаны увидели, что я с банкой иду, пришлось с ними угоститься. Зато закусь у них взял, – он торжественно развернул кулёк на столе и разложил угощение. – Короче, так. Семечки можно есть, котлету только нюхать! Давайте стаканы...

Стаканов оказалось два, капитан пить отказался. Костя налил по полстакана спирта, долил почти до краев водой, пододвинул один мне:

– Давай! За встречу! – он увидел, наверное, моё лицо. – Да не бойся! Смотри...

Он открыл рот так, что туда поместилась бы вся банка, и ловко вылил содержимое гранёного стакана внутрь, проглотил одним глотком и уверенно занюхал котлетой.

– А-а-ах! – громко выдохнул он. – Крепка советская власть!

Я разлил свою порцию на две, себе и Коле. Коля, к моему удивлению, замахнул – конечно, не так, как Константин, но со знанием дела. Я даже и не пытался повторить их подвиг и начал тянуть тёплую вонючую спиртягу, не задерживая её во рту. Константин смотрел на меня с искренним сочувствием.

– Ничего, научишься, – сказал он, закрывая банку. – Ладно, я пошёл.

Он с сомнением посмотрел на лежащую на столе котлету, типа, забрать, что ли, но оставил и так же вразвалку ушёл.

Распределили нас с Колей в пятую эскадрилью техниками транспортной авиации, что считалось блатным местом. На аэродром мы ездили на бортовой машине вместе с другими офицерами технической службы. В авиации очень строгая градация между лётчиками и техническим персоналом. И те, и другие друг друга презирают. Технари лётчиков – за то, что должны обслуживать этих тупых и здоровых мужиков, которые кроме того, как ручку на себя тянуть, ничего не могут. Лётчики технарей – за то, что им вообще положено всех презирать, они элита. Так и жили. В нашей машине ездили только технари.

Главный инженер эскадрильи, к которому мы прибыли, осмотрел нас критически и сообщил:

– Поскольку у вас пока допуска нет, будете выполнять задание, связанное с бомбометанием, – сделал паузу и испытующе посмотрел на нас.

Мы уже были слегка пропитаны военным духом, рефлекторно стояли молча и смотрели на руководителя.

– Значит, так... Берёте ящики от бомботары за штабом и строите туалет. Инструменты у меня в кабинете. Вопросы есть? Вопросов нет, – сам себе ответил инженер. – Вперёд!

Поспорить было трудно. Задание, несомненно, имело отношение к бомбометанию во всех смыслах этого слова. Следующие три дня мы доблестно под руководством Николая строили туалет. Тон его становился всё более покровительственным. Руководить процессом ему не мешал даже рёв, происходивший от непрерывно взлетающих и садящихся истребителей.

– В д-деревне т-ты не жил, Миша! Пилу толком держать не умеешь.

Я действительно не очень рукастый, поэтому без сожаления уступил пальму первенства в строительстве сего символа атаки с кабрирования опытному другу с Украины. К сожалению,

результатов труда я так и не увидел. Когда орлиный насест для воздушных асов был почти готов, подошёл инженер и сказал:

– Саталкин? Тебя в финчасть вызывают, – в глазах его сквозило некоторое недоумение. Действительно, как человека строящего туалет из бомботары и не имеющего допуска к самолёту, можно вызывать в финчасть? – Сейчас машина в ОБАТО пойдёт, с ними поедешь.

ОБАТО – это не сокращённое ругательство, это Отдельный батальон аэродромно-технического обслуживания. Военная авиация устроена так: есть, к примеру, аэродром, взлётная полоса и при ней постройки и службы, которые необходимы для осуществления полётов. А есть лётчики, которые на этот аэродром прилетают и на этом их дела заканчиваются, при них техники, которые самолёт должны обслуживать, заправлять, ремонтировать и т. д. И если все самолёты со всеми лётчиками улетают, то с ними улетают и все техники, и инженеры, и штурманы. Кто остаётся при аэродроме? Правильно! Те, кто должны кормить, поить, поставлять бензин, выдавать деньги, подметать ВПП. Короче, хозяева! Квартиранты улетели – прилетели, а хозяева остались.

Приехал я туда, захожу в здание, вижу табличку с надписью «Финчасть», ну и открываю дверь. В достаточно большой комнате находились три человека: женщина, судя по всему, бухгалтер, достаточно высокий прапорщик и небольшой, пухленький, лысый невысокого роста капитан, сильно похожий на Весельчака У из «Планеты двух капитанов», который сидел за столом посреди комнаты и с подозрением смотрел на меня. Он явно был не очень рад любому посетителю, не только мне.

– Чего хотел? – с некоторой паузой спросил он у меня.

– Сказали зайти...

– Как фамилия?

– Саталкин...

Капитан поморгал маленькими глазками в задумчивости, явно выразившей желание сразу послать меня куда подальше. Потом неожиданно его лицо расплылось в улыбке, превратив его в доброго крестьянина, продающего сметану на рынке.

– А, понял... Насчёт тебя из Штаба округа звонили.

Прапорщик и бухгалтерша чуть шеи не повыворачивали, повернувши головы в мою сторону. Из Штаба округа! Ни хрена себе! Чуть ли не из небесной канцелярии!

– Будешь прикомандирован к финчасти, на аэродром ездить не будешь.

Действительно, послание с неба. Мой невидимый покровитель, полковник из Штаба, который хотел отправить меня в Уфу, не забыл про меня! Я на тот момент даже не представлял, как мне повезло! Даже не представлял!

– Сейчас отправляйся в общагу. Ты же в общежитии живёшь?

– Нет, пока в гостинице.

– Ладно, я позвоню, решим. Только в форме приходи, а не в «техничке», здесь тебе не аэродром, – тон голоса переключился на регистр снисходительности.

Назавтра Коля с плохо скрываемым недовольством отправился на аэродром достраивать туалет, сердясь на явную несправедливость, ибо он потопал в семь утра на завтрак и потом на бортовую машину, чтобы трястись по пыльной степной дороге туда, где рёв самолётов заглушал звук собственного голоса. А я – к девяти утра через дорогу, к штабу ОБАТО. Ну, явная несправедливость! Хорошо, что он не знал тогда о моих еврейских корнях, да я и сам толком не знал... Но это отдельная тема. Истинно, знание множит печали... Погром откладывался.

Буквально на следующий день меня переселили в общежитие. Магическая власть денег, в данной ситуации в лице главного их шамана – маленького лысого толстячка, не отметится никакой социально-экономической формацией. Меня нашли в гостинице и велели переселиться в общежитие. В двухместную комнату, заметим! Николай ещё сильнее ничего не понял...

Общежитие было устроено по классическому принципу: несколько комнат в блоке, плюс души и туалеты. В принципе, такие же, как институтские, только душ работал. Кухни не было, так как офицерская столовая была практически напротив общежития. Ключ от комнаты с двумя бородками был у меня в руке. В другой руке – сумка; португепю я ради прикола надел на спортивный костюм, фуражку на голову. Идти было недалеко, в соседний дом. Однако у сидевших на лавочке обитателей общежития это явление вызвало сильный хохот. Спас опять же Константин, пользовавшийся среди офицеров общежития (других там не жило, только инженерно-технический состав; лётчики жили в квартирах, женатые тоже) непререкаемым авторитетом, который зычным голосом заорал:

– Тихо вы, мудаки! Это наш, «пиджак», из авиационного института! Привет, Мишель! – почему-то он назвал меня на французский манер. – Переселяешься? Правильно! В какую комнату? – я назвал номер, предварительно посмотрев его на кусочке дерматина, прикреплённой к ключу. – А! Прикольно... С Колей-Мексиканцем будешь жить, – радостно улыбаясь заявил Константин.

– Почему мексиканцем? – мне представился человек в сомбреро под самолётом.

– Увидишь. Давай, до встречи...

Комната оказалась удивительно чистой, со стенами неожиданно тончайше терракотового, с розовым отливом, цвета. Все помещения, которые я видел до этого, находясь в армии, даже пока ехал в поезде, были грязно-зелёно-болотного цвета. Мне даже представлялся завод по производству красок разных волшебных цветов, на самом конце конвейера которого стоял какой-то военпред и добавлял туда тёмно-серой и тёмно-зелёной. И потом красил ею всю страну. А чо? Вдруг война? Сглазил... Так вот, поражённый необычайным колоритом комнаты с казёнными занавесками, двухстворчатый шкафом, двумя кроватями, стоявшими у стен, и прикроватными тумбочками, я был поражён ещё одним предметом, лежащим на кровати. Это была гигантского размера подушка, занимавшая всю ширину кровати и добрую треть её длины. Но не только размеры впечатлили меня, вернее, не столько размеры, сколько цвет! Середина её была совершенно чёрной, и не просто чёрной, а чёрной с глянцем, как хорошо начищенный хромоый сапог, от неё отражалось солнце, настолько хорошо она была отполирована! От середины к краям она постепенно светлела, и края были ещё достаточно белыми, напоминая о моменте её рождения. Если бы создатели фильма «50 оттенков серого» увидели её, то, несомненно, выкупили бы и поставили на заставку кинокартины. Да что там говорить! Музей Гуггенхайма сделал бы её центром своей экспозиции в зале современного искусства!

Комната была пуста. На стене не висело сомбреро, на подоконнике не было ни кактуса, ни початой бутылки текилы. Даже гитары не было. Ничего, напоминавшего бы о Мексике, совершенно ничего.

Я постелил полученное у кастелянши, пахнущее хлоркой постельное бельё и вечером спокойно уснул, убаюканный одиночеством и персиковыми цветами. Проснулся я ночью от топота и гомона в коридоре. Дверь открылась, загорелся яркий свет, я спросонья посмотрел на вошедшего. Кактус был лишним. В дверях стоял настоящий мексиканец. По какому недоразумению его назвали Николаем, трудно было представить. Смуглый, с рубленным профилем, крючковатым носом, с чернющими, торчащими жёсткой щёткой усами под ним, большими белыми зубами и чёрными, как уголья глазами, он таранился на меня, как гаучо на степного волка.

– Ты откуда здесь взялся? – виртуальная рука незримо легла на рукоять пистолета. – Мне же обещали, что никого селить не будут! – как бы сам себе возмущённо воскликнул мой собеседник. Откуда он знал про таинственный ход мастей, управляющий миром?

– Я не знаю, мне ключ дали, сказали, тут живи.

Хосе, назову его пока так, с явным раздражением начал стаскивать с себя замызганную «техничку», по комнате распространился запах оружейного масла. Воняет примерно как

от тракториста, только несколько утончённо, с ног не валит. Мой новый сосед (хотя, конечно, новым соседом был я, это я так, по праву того, кто раньше зашёл в комнату) запихнул верхнюю одежду в шкаф и остался в голубом облегающем нательном белье – кто видел, тот знает, как элегантно облегают ягодицы кальсоны и через ширинку, сконструированную умелым советским закройщиком, у миллионов пользователей в самый ненужный момент что-нибудь да выпадает. Завершал этот сверхинтимный костюм такой небольшой штрих, как высокие носки домашней вязки, и заправленные в них портки придавали всему этому очарованию потрясающий комизм. Мой южноамериканец уселся на кровати напротив меня и молча уставился прямо в глаза. Я тоже сел на край кровати и смотрел на него. Хз, что он выкинет.

– Меня Николай звать, – вспомнил о том, что не представился, теперь уже больше не Хосе, но руку не протянул. – Откуда прибыл?

– Из Уфы.

– «Пиджак», что ли?

«Пиджаками» называли «двухгодичников», тех, кто окончил институт, а потом был призван на два года на действительную военную службу по военно-учётной специальности. Кадровые офицеры относились к ним с презрением, ибо они «военную ляжку» не тянули, училищ не оканчивали, но незаслуженно получали те же звания, что и они, отпахавшие пять лет обучения в сапогах и казармах. Мы же считали их «дубарями», добродушно усмехались их рассказам, как они бегали в увольнение, чтобы успеть за пару часов бухнуть, познакомиться с девкой и не попасться патрулю, чтобы потом залиvisto врать, как чуть ли не каждый в парке познакомился с тако-о-о-ой тёлкой, что охренеешь, и что она сразу потащила его в кусты, где сорвала с него штаны, да так потом стонала на весь парк, что приходилось зажимать ей рот, и теперь ловит его у проходной, а он «шкерится», и т. д., и т. п., типа того... Когда мы говорили, что мы иногда ходили в институт на занятия, практически живя по несколько дней в женском общежитии и выбираясь только за пивом, они удивлённо слушали, предполагая, что это полное враньё и не стоит мужского внимания. Нужно сказать, что всё военное общежитие, в котором мне предстояло жить, было заполнено в основном кадровыми офицерами, от двадцати двух до двадцати семи примерно лет. Легко можно представить, какая атмосфера царил в этом отдельно сконструированном сообществе при полном отсутствии возможности реализовать свои сексуальные потребности, кроме как «передёрнуть» в душе.

В то время за упоминание о гомосексуализме с ходу били в морду, да и никто из моих знакомых никогда и ни в чём не проявлял «гейских» наклонностей, никогда не обсуждал этого и не ассоциировал совместное мытьё в душе с какой-то эротикой. Все было просто: мужики – в брюках, женщины – с сиськами. Никаких вторых планов.

Хосе-Николай ещё несколько мгновений испытующе смотрел на меня, глубины мысли не проглядывалось, но определённая быковатость во взгляде явно присутствовала.

– Давай выпьем, – не предложил, а почти определённо указал на наши совместные действия Мексиканец.

Я выжидающе молчал. Он вытащил из сумки, с которой пришёл в комнату, почему-то термос, который был ровно такого же цвета, как и его кальсоны. Видимо, для маскировки. Открутил верхний стаканчик, налил в него содержимого и протянул мне.

– Давай! – произнёс он самый популярный в нашем народе тост.

Глубина этого слова в русском языке, я думаю, изучена далеко не до конца. Вроде бы происходит от глагола «давать», а в данной ситуации это явно означало «принять». Оставим это дело лингвистам.

Я заглянул в стакан. Он был наполовину полон грязно-бурой жидкости, пахнувшей спиртом, и с тем же ароматом, что распространяла запиханная Николаем в шкаф одежда. Вид этого

пошла был такой, будто она была зачерпнута из придорожной лужи, по которой только что проехал армейский грузовик.

– Это что?

Николай смотрел на меня с признаками явного нетерпения. Этот взгляд я понимал: я задерживал тару.

– Пей, не ссы. «Оружейка»...

Я тогда ещё не мог знать, что «оружейкой» называют спирт, который используется в самолёте для охлаждения автоматической пушки. Соответственно, охлаждая её во время стрельбы, он смешивается с тем прекрасным оружейным маслом, которым так благоухал мой сосед! А самих оружейников называют «щелчками». Это название пошло ещё с тех времён, когда пушка стреляла через винт самолёта, и для синхронизации их действий, чтобы не перебить лопасти, перед полётом оружейник должен был крутить винт и отсчитывать определённое количество щелчков. После полётов, независимо от того, стрелял ли пилот или просто летал, оружейник сливал спирт себе как законную добычу и тащил его в «нору». Вообще, доступ к спирту в том или ином виде в то время значил то же, что прикосновение к валютным резервам страны в нынешнее. За дармовой «алкоголь» можно было решить почти все вопросы. Спирт принимали все, а доступ к нему был у ограниченного контингента; самым элитным считался, конечно, медицинский, авиационный тоже котировался, но и «оружейку» пили. Каких только названий не придумывали: «шмандифюр» – спирт, разбавленный глицерином, «шпага» – заранее разведённый дистиллированной водой, ласково «спиртяжка», уже все и не помню. Спирт разливали подпольные бутлегеры, огребая колоссальные сроки, за спирт строили дома и покупали очередь в автосервис, добывали дефицитные билеты на самолёт и так далее. Знаю сам из личной практики и опыта общения с реальными персонажами.

В описываемый мною исторический момент я должен был непосредственно приобщиться к одной из самых жутких форм употребления сего «романтизированного» напитка в самом brutальном его проявлении.

– Ну! – Коля был серьёзен.

– Не... Извини, не буду, – я протянул стакан моему визави.

Он взял стакан с явными признаками презрения к своему новому соседу, выпил с удовольствием, взял подушку с кровати, положил её себе на колени, опёрся локтями на её глянцевую часть и опять уставился на меня. Я не часто видел, чтобы алкоголь так стремительно оказывал воздействие на людей. Явно многочасовое ожидание этого момента помножило эффект трёхкратно. Чёрные уголья глаз мутнели и расплывались в мягко-бурый. Когда спирто-масляная смесь, видимо, окончательно смазала все агрегаты моего нового друга, он неожиданно спросил:

– «Пиджак», значит? Умный тоже? Тогда скажи мне, в какой работе Ленин сказал: «Учиться, учиться и ещё раз учиться»?

Вопрос прозвучал достаточно неожиданно, чтобы я мог с ходу на него ответить. Конечно, эта мантра в то время была написана почти на всех стенах всех учебных заведений нашей страны, в том числе и на фасаде второго корпуса нашего института. Но ХЗ, откуда её выдернули, – никогда и не задумывался. Однако отступить было нельзя.

– «Материализм и эмпириокритицизм»³, – уверенно заявил я.

---

³ «Учиться, учиться и учиться» – цитата из работы В. И. Ленина «Попытки направления русской социал-демократии» (1899; опубликована в журнале «Пролетарская революция», №8—9 за 1924 г.), а также из статьи «Лучше меньше, да лучше» («Правда» №49, 4 марта 1923 г.). Информация, что впервые Ленин произнёс эту фразу на III Всероссийском съезде РКСМ 2 октября 1920 г., является заблуждением. Подробнее см. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Ленинские_фразы#«Учиться,_учиться_и_учиться».

Ответ явно застал моего собеседника врасплох. Видимо, это был давно заготовленный «контрольный в голову». Сочетание таких двух сложных полужнакомых слов несколько смутило его, но не сильно.

– Ла-адно, – протянул он. – Нарисуй мне эпюру сил консольной балки!

Он взял лист бумаги и нарисовал две перпендикулярных линии со стрелочкой, указывающей на крайнюю точку одной из них. Сказать, что я был в полном ахуе от происходящего, значит ничего не сказать. Млять, ну на... Это было самое простое из курса сопромата, который, собственно, я таки ещё недавно сдал. Николай посмотрел на мой чертёж и радостно завопил:

– Неправильно! – и нарисовал всё ровно наоборот.

Я всё понял. Продолжать разговор с человеком, хлебнувшим «оружейки», имело такой же смысл, как её же и пить. Результат был налицо. Действие напитка продолжалось, Николай одновременно разговаривал со мной, с собой, с Лениным и учебником сопромата. Я из вежливости и осторожности сидел на кровати, предполагая различные варианты развития событий. К моему удивлению, Николай замолчал, решительно встал, взял голубой термос, слившийся с его «костюмом», и молча вышел в дверь. Ясно было, что он пошёл бухать с коллегами по «оружейному цеху». Я выключил свет, лёг, повернулся к стене и уснул.

Глава 5

На следующий день, когда все обитатели этажа с дружным гомоном утопали к парковке и поехали, трясясь в кузовах зелёных КамАЗов, на аэродром, я пришёл к месту новой службы, сел в курилку вместе с остальными и, когда началось построение, молча встал в строй. Майор, командовавший «равняйся, смирно», вдруг уставился на меня. Лицо его было стандартно лиловым. Похоже, к майорским погонам полагалась инъекция фиолетовой краски в голову, чтобы было сразу видно – начальник.

– Ты кто такой, лейтенант?

– Прикомандированный в финчасть по распоряжению Штаба округа, товарищ майор! – вовремя вступился за меня мой новый начальник.

– А, понял... – майора отпустило.

Вообще, готовность кого-нибудь «вы... бать» – характерная черта офицеров Советской армии. Думаю, с тех пор ничего не изменилось, с чего бы. По любой причине начать орать и материться – любимое занятие да и, честно говоря, потребность русского народа. Без этого начальник – не начальник. На своём опыте позже убедился.

– Короче, так, – подумав сказал он. – На построение не встаёшь со всеми, ты не в штате. Приходишь вовремя и сидишь в курилке. Ясно?

– Так точно, – ответил я.

Жизнь налаживалась. И она действительно налаживалась! Если не считать оставленной в Уфе любимой девушки... К этому моменту жизни я уже успел развестись и выплачивал алименты, чем производил некоторое впечатление на оформлявших меня кадровиков и финансистов. Такой молодой алиментщик, шустрый, видимо...

Сказать, что мой авторитет среди обитателей этажа вырос – это ничего не сказать. Меня рассматривали, как некую диковину. Приехал какой-то хмырь, ему дали «блатную» комнату на двоих, да ещё и в финчасть устроился. Прилепили мне, конечно, соответствующее должности прозвище «финник» и опасались подшучивать. Уважали... Соседи по этажу, молодые неженатые лейтенанты, как я уже говорил, при почти полном отсутствии женского пола были совершенно презабавными субъектами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.